

Вера Зубарева

Тайнопись

Библейский контекст в поэзии Беллы Ахмадулиной 80-ых годов

Говоря о стихах Ахмадулиной 80-х годов, Михаил Эпштейн справедливо отмечает, что в них «возрастает значение точно зафиксированной даты». Он указывает на то, что «впервые в русской поэзии предпринимается попытка систематически раскрывать своеобразие не сезона или месяца ("Апрель", 1959; "Осень", 1962), а отдельного дня, соединить лирико-философские обобщения с повседневной записью малейших изменений в жизни природы ("Пишу: октябрь, шестнадцатое, вторник - и Воскресенье бабочки моей..." и т.п. – "День 12 марта", 1981; "Ночь на 30 апреля", 1983, и др.)»¹. Иными словами, если традиционно стихи о природе отражали лирические раздумья поэта наряду с его философскими взглядами, то Ахмадулина добавляет к этому конкретику отдельного дня. Это совершенно справедливое наблюдение над явной стороной ее стихов требует дополнения относительно их скрытой стороны.

Почти любое стихотворение Ахмадулиной, включающее дату как часть поэтического текста, построено по схеме таинства: зримая его часть связана с конкретикой отдельного дня, а обратная восходит к библейским образам, событиям и фигурам, непрямо выводящимся из пространства действий. Поэтому ее стихи, посвященные конкретным датам, нельзя назвать «повседневной записью малейших изменений в жизни природы». «Запись малейших изменений» есть даже не систематизация, а простое *перечисление*. Но перечень не создает целостной картины, хоть и основан на включении большого количества деталей. Создатель перечня не всегда отличает главное от второстепенного, и поэтому его примечания к «перечню» могут остаться разрозненными заметками. У Ахмадулиной же богатство деталей продиктовано строгим отбором и иерархией. Иерархия проявляет себя в выборе центрального образа и тщательном выстраивании его ближайшего и более отдаленного окружения.

Например, приведенное Эпштейном стихотворение «Бабочка» (1979) соприкасается по дате с кануном одного из дней памяти Лазаря Четверодневного: 16 октября –

---

¹ М. Эпштейн. Стихи и стихии. Природа в русской поэзии 18 – 20 вв. Самара: ИД БАХРАХ-М, 2007, С. 312-313

преддверие празднования перенесения мощей Лазаря (17 октября по старому стилю). При этом Ахмадулиной удастся избежать аллегоричности, поскольку ее задача, сопоставление увиденного с умопостигаемым, а не пересказ Библии. В этом она следует модели Паламы, для которого мир суть зеркало, отражающее Бога².

В стихотворении «Вослед 27-му дню февраля» (1981) появляется такой, казалось бы, странный образ:

День-Божество, вот я, войди в меня,
лишь я – твое прибежище ночное.

Но если учесть, что 27 февраля 1981 г. выпадает на день Святого равноапостольного Кирилла (Словенского), то метафора становится вполне ясной – поэт, работающий при мерцании свечи, и есть «прибежище» кириллицы, соединяющей его с пушкинским «днем чудесным»: «День хочет быть – день скоро будет – есть / солнце-морозный, все точь-в-точь: чудесный». В стихотворении обыгрывается ситуация непорочного зачатия: кириллица выступает пособником рождения, духом, реализующим вместе с лирической героиней День-Божество на ее странице, и так дающим ему вторую жизнь.

День пред весной, снега мой след сотрут.
Ты дважды жил и не узнал об этом.

День один, день второй, день третий... Именно к такому ряду относится «День: 12 марта 1981 года». В Ветхом Завете день – герой Сотворения, дитя Творца, интегральное понятие, вбирающее в себя все созданное от вечера до утра. Точно так же героем стихотворения «День: 12 марта...» является День. Поэт словно перенимает эстафету, добавляя к числу месяц и год как уникальное имя Дня. В этом стихотворении День предстает как ипостась Сына.

---

² «Концепция мира как зеркала, отражающего Бога», - пишет Иоанн Мейендорф в «Введении в изучение св. Георгия Паламы», - «была явно заимствована св. Григорием Паламой у греческих Отцов. Она основана на учении о Божественных *logoi* [логосах], присутствующих в творении, берет свое начало у стоиков и последовательно принималась всеми Отцами, начиная со св. Иустина. Св. Григорий также говорит о *logoi*, подчеркивая, однако, что для христиан они суть энергии единого Бога и не обладают существованием сами по себе.» http://www.krotov.info/history/14/palama_me/mey_21.html

День: 12 марта 1981 года

Дни марта меж собою не в родстве.
Двенадцатый — в нем гость или подкидыш.
Черты чужие есть в его красе,
и март: «Эй, март!» — сегодня не окликнешь.

День — в зиму вышел нравом и лицом:
когда с холмов ее снега поплыли,
она его кукушкиным яйцом
снесла под перья матери-теплыми.

Я нынче глаз не отпускала спать —
и как же я умна, что не заснула!
Я видела, как воля Дня и стать
пришли сюда, хоть родом не отсюда.

Дню доставало прирожденных сил
и для восхода, и для снегопада.
И слышалось: «О, нареченный сын,
мне боязно, не восходи, не надо».

Ему, когда он челядь набирал,
все, что послушно, явно было скушно.
Зачем поземка, если есть буран?
Что в бледной стыни мыкаться? Вот — стужа.

Я, как известно, не ложилась спать,
Вернее, это Дню и мне известно.
Дрожать и зубом на зуб не попасть

мне как-то стало вдруг не интересно.

Я было вышла, но пошла назад.
Как не пойти? Описанный в тетрадке,
Дня нынешнего пред... — скажу: пред-брат —
оставил мне наследье лихорадки.

Минувший день, прости, я солгала!
Твой гений — добр. Сама простыла, дура,
и провожала в даль твои крыла
на зябких крыльях зыбкого недуга.

Хворь — боязлива. Ей неумоготу
терпеть окна красу и зазыванье —
в блеск бытия вперяет слепоту,
со страхом слыша бури завыванье.

Устав смотреть, как слишком сильный День
гнет сосны, гладит против шерсти ели,
я без присмотра бросила метель
и потащилась под присмотр постели.

Проснулась. Вышла. Было семь часов.
В закате что-то слышимое было,
но тихое, как пенье голосов:
«Прощай, прощай, ты мной была любима».

О, как сквозь чернь березовых ветвей
и сквозь решетку... там была решетка —
не для красы, а для других затей,
в честь нищего какого-то расчета...

сквозь это все сияющая весть
о чем-то высшем — горем мне казалась.
Нельзя сказать: каков был цвет. Но цвет
чуть-чуть был розовой, чем несказанность.

Вот участь совершенной красоты:
чуть брезжить, быть отсутствия на грани.
А прочего всего — грубы черты.
Звезда вошла не как всегда, а ране.

О День, ты — крах или канун любви
к тебе, о День? Уж видно мне и слышно,
как блещет в небе ровно пол-луны:
все — в меру, без изъяна, без излишка.

Скончаньем Дня любитесь слеза.
Мороз: слезу содеешь, но не выльешь.
Я ничего не знаю и слепа.
А Божий День — всезнающ и всевидящ.

(12-13-14 марта 1981, Таруса)

В соответствии с православным календарем день 12 марта 1981 года пришелся на четверг первой седмицы Великого Поста и был посвящен Таинству покаяния. Он отмечается покаянными молитвами и воспоминаниями крестной смерти и воскресения Христа. По-видимому, прочтение в природе одной из важнейших страниц истории покаяния, о которой речь пойдет ниже, и легло в основу сюжетной канвы «Дня: 12 марта...». И не только прочтение – проживание события лирической героиней, сделавшей его частью своего духовного опыта.

В отличие от символистов, идущих от символики чисел и деталей, Ахмадулина не кодирует свое произведение. Как раз наоборот – она старается *раскодировать* реальность, отыскивая скрытые признаки, по которым восстанавливается ее связь с неизреченной реальностью. «День: 12 марта...» не исключение. Не поэт, но природа наделяет его столь значимым числом. И «стих глядит, что делает природа», пока автор, отталкиваясь от реальной даты, пытается прозреть все знаки и связи, позволяя стиху *быть*, коль тот «тайну сохранит и не предаст словам» («Кофейный чертик», датировано тем же днем – 12 марта, 1981 г.).

Слово «День» всюду в стихотворении пишется с прописной буквы, что свидетельствует о его Божественном происхождении. Дню присущи «воля» и «стать», которые «пришли сюда, хоть родом не отсюда», а в мир он является как «гость или подкидыш» – его подбрасывает с «холмов» зима под «перья матери-тепльни», берущей начало от земли. Неудивительно, что «черты чужие есть в его красе» – красе снежных высот (снег как символика надмирности). Все это подготавливает к восприятию Дня как Дитя Создателя, «подброшенного» в мирское пространство для какой-то, пока неведомой нам, цели.

По мере разворачивания сюжета, все очевиднее становится отраженность черт Сына в Дне, чье восхождение сопровождается противоборством сил, заключая в себе одновременно радость и скорбь. День несет с собой борец стихий, восход и закат. Силы для вселенских деяний даны ему свыше – они приходят с «холмов», откуда он берет начало. Однако его нареченная земная мать тепльня опасается за него, потому что думает «не о том, что Божие, но что человеческое» (Мф. 16:23).

Дню доставало прирожденных сил
и для восхода, и для снегопада.
И слышалось: «О, нареченный сын,
мне боязно, не восходи, не надо».

Просьба нареченной матери перекликается с просьбой Петра, пытавшегося отговорить Христа от крестной смерти: «И, отозвав Его, Петр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!» (Мф. 16:22). В дальнейшем

эта переключка с Петром развивается в скрытый сюжет, трансформируясь из оберегающего голоса «матери-теплыни» в «отрекающийся» голос лирической героини. Такое композиционное разделение «голосов» Петра оправдано поведенческой разнонаправленностью этого апостола – от воистину материнской заботы о Христе до отречения. Это проясняет и метафору *нареченной* матери-теплыни, то есть неприродно связанной с Днем. Именно эта разница в происхождении и послужила искреннему желанию Петра упasti Христа от крестной смерти. Ответ Христа - «думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мф. 16:23) - проясняет как нельзя лучше суть различий Учителя и ученика. То, что Учитель унаследовал при рождении, достанется ученику путем трудного перехода из додуховной ментальности самосохранения в духовную. Ахмадулина отдает эту материнскую сторону Петра земной матери-теплыни, беря на себя голос отступничества. За этим просматривается покаяние за родину православия, отрекшуюся на время от Христа.

У Дня есть и родная мать – зима, понимающая его и способствующая его выюжному восхождению, чреватому опасностями. Переключка с восхождением на Голгофу задает внутреннее напряжение и библейский драматизм отношениям, складывающимся в природе. Все движение Дня, его постепенное державное утверждение замешено на мятежности, раскрывающейся в противоборстве стихий и в бунтарском характере «челяди», которую он набирает. Существительное «челядь» еще более подчеркивает царственность Дня. Сомнений нет – мятежный День приходит в мир как царь, что немедленно ассоциирует его с образом Царя Царей. Предпочитая поземке буран как стихию небес, а стыллой неподвижности – динамику стужи, День словно следует стезей Того, Кто шел против устоявшихся догм.

Ему, когда он челядь набирал,
 все, что послушно, явно было скушно.
 Зачем поземка, если есть буран?
 Что в бледной стыни мыкаться? Вот — стужа.

Сонм стихий в имплицитном пространстве стихотворения переключается с изображениями ангелов на иконах. В частности, на известной иконе XVI века «Богородица

Неопалимая Купина» ближайšie к Богородице ангелы представлены властителями стихий с чашами снега, града и воды. Это еще больше подчеркивает близость Дня к Сыну. Далее выясняется, что у Дня есть... предтеча. Об этом сказано не прямо и как бы с оглядкой, но именно «оглядка», запинка и привлекает внимание к фразе:

Дня нынешнего пред... – скажу: пред-брат

Словно спохватившись, лирическая героиня обрывает себя на полуслове, чтобы подыскать то ли более подходящее, то ли менее опасное определение, что сразу же наводит на мысль о запрещенности термина, начинающегося с «пред».

День-предтеча подробно описан в стихотворении «Строгость пространства. 11 марта» (1981)

Строгость пространства. 11 марта

Что марту дни его: девятый и десятый?
А мне их жаль терять и некогда терять.
Но кто это еще, и словно бы с досадой,
через плечо мое глядит в мою тетрадь?

Одиннадцатый, ты? Смещая очередность,
твой третий час уже я трачу на вчера.
До света досижу и дольше – до черемух,
чтоб наспех не сказать, как стала ночь черна.

А где твоя луна? Ведь только что сияла.
Сияет – но моя, возвращенная в стихах.
Да ты, я вижу, крут. Там, где вода стояла,
ты льдины в память льдин возводишь впопыхах.

Я пререкалась с днем как со знакомцем новым –
он знать меня не знал. Он укреплял Оку.
Он сызмальства зари был взрослым и суровым.
Все вензели зимы он возвратил окну.

Он строго проверял: морозно ли? бело ли? –
и налету стубил слабейшую из птах.
Он строил из воды умершее былое,
как будто воскрешал храм, обращенный в прах.

День стужу затевал и делал, что затеял:
вязал ручьи узлом, доверье верб терзал.
То гением глядел, то взглядывал злодеем.
Что б Ты о нем сказал, который все сказал?

Когда я, как всегда, отправилась в Пачево,
меня, как свой пустяк, он зашвырнул домой.
Я больше дням твоим, март, не веду подсчета.
Вот воспеватель твой: озябший и больной.

Меж дней твоих втеснюсь в укромный промежуток.
Как сумрачно глядит пространство-нелюдим!
Оно шалит само, но не приемлет шуток.
Несдобровать тому, кто был развязан с ним.

В ночи вызывают к дню чернила и бумага.
Мне жаль, что преступил полночную черту
День – выродок из дней, хоть выходец из марта,
один, словно поэт – всегда чужой в роду.

Особенный закат он причинил природе:

уж не было зари, а все была видна.
 Стихами о его трагическом уходе
 я возвещу восход двенадцатого дня.

Так же, как и в «Дне: 12 марта...» параллели между днем одиннадцатым и Иоанном Крестителем устанавливаются за счет *взаимодействия* дня с окружающим пространством. Его мощь раскрывает себя в возведении льдин, которые вырастают памятниками сакраментальных льдин, восходящих к крещенским морозам («Да ты, я вижу, крут. Там, где вода стояла, / ты льдины в память льдин возводишь впопыхах»), а его умение возводить из воды «умершее былое» и воскрешать «храм, обращенный в прах» («Он строил из воды умершее былое, / как будто воскрешал храм, обращенный в прах») намекает на противостояние строю, разрушившему «храм». К этому добавляются такие типичные для Крестителя характеристики, как суровость, упорство и умение достичь поставленной цели. Восприятие дня одновременно как гения и злодея уходит корнями в историю отношений Иоанна с последователями и врагами: для одних он был гением, а для других – злодеем. Упоминание верб («доверье верб терзал») достраивает связь с Вербным воскресеньем и Пасхой. Сравнение с поэтом-изгоем («День – выродок из дней, хоть выходец из марта, / один, словно поэт – всегда чужой в роду») поясняется способностью дня говорить на языке, мало кому доступном. Язык его деяний преображает природу, проливающую на землю нетварный Свет:

Особенный закат он причинил природе:
 уж не было зари, а все была видна.

Деяния дня рождают «знамения времен» на небе, о которых говорил Иисус фарисеям и саддукеям: «различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете» (Мф. 16:3). Уход дня не зря назван трагическим («Стихами о его трагическом уходе / я возвещу восход двенадцатого дня»): здесь явно слышится переключка с трагической гибелью Иоанна, поплатившегося головой за свои моральные принципы.

Вернемся к «Дню: 12 марта...». Предтеча-день, по словам лирической героини, порождает в ней лихорадку, проявляющуюся одновременно как хворь и как лихорадочное ожидание грядущей зари. В момент созерцания восходящего двенадцатого Дня, земное и небесное начинают бороться в ней, как они борются и в природе, передающей аналогичную борьбу в душе тех, кто некогда следовал за Спасителем. Лихорадка обостряет в героине противоборство телесного и духовного. Телесное проявляется в «хвори» плоти, которая слепа к «красе» и «блеску бытия» и страшится гласа небес, принесенного бурей. Дух же, напротив, восхищен красотой, ниспосланной с высот.

Хворь — боязлива. Ей неведому
терпеть окна красу и зазыванье —
в блеск бытия вперяет слепоту,
со страхом слыша бури завыванье.

Озноб, знаменующий собой противоборство хвори, страха и чаяния перемен, ставит героиню перед выбором между телесным и духовным – постелью и метелью. Параллель с библейской ситуацией достаточно прозрачна – перед тем же выбором между следованием за Христом и покоем поставлены апостолы. На этом этапе героиня выбирает постель, временно «отрекаясь» от того, что она так лихорадочно ожидала, трижды мотивируя свой уход разными причинами. В первом случае она ссылается на отсутствие интереса («Дрожать и зубом на зуб не попасть / мне как-то стало вдруг не интересно»). Во второй раз она сваливает вину на пред-брата как источник лихорадки:

Я было вышла, но пошла назад.
Как не пойти? Описанный в тетрадке,
Дня нынешнего пред... — скажу: пред-брат —
оставил мне наследье лихорадки.

В третий раз она мотивирует свой уход усталостью.

Устав смотреть, как слишком сильный День

гнет сосны, гладит против шерсти ели,
я без присмотра бросила метель
и потащилась под присмотр постели.

Все три «отговорки» являются ложными, и в ложности одной из них она тут же кается:

Минувший день, прости, я солгала!
Твой гений — добр. Сама простыла, дура,
и провожала в даль твои крыла
на зябких крыльях зыбкого недуга.

Покаяние, однако, не меняет модуса поведения героини, поскольку оно сделано частично, и «недуг» остается при ней, как он остается при Петре в момент отречения. «Его отречение – свидетельство его немощи, о которой он сам не ведает и о которой узнает, лишь когда исполняется пророчество Господа», - пишет Олеся Николаева³. Тем не менее, помимо явного покаяния присутствует еще и скрытое, вербализованное в имплицитных самооценках типа «я без присмотра бросила метель / и потащилась под присмотр постели». Ясно, что бросить кого-либо без присмотра имеет негативный оттенок. Так можно сказать только в укор тому, кто это сделала. Подобное скрытое самоосуждение сродни сокрушению Петра, о котором пишет Николаева: «Горький плач Петра, отрекшегося от любимого Господа и не смогшего противостоять искушению, исполнен подобного же сокрушения: "Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?"»⁴.

Предпочтение «присмотра» теплой постели холоду обыгрывает обстоятельства, при которых Петр, *греющийся у огня* с рабами и служителями, отрекся от Учителя.

«Тут раба придверница говорит Петру: и ты не из учеников ли Этого Человека? Он сказал: нет. Между тем рабы и служители, разведя огонь, потому что было холодно, стояли и грелись. Петр также стоял с ними и грелся» (Ин. 18:17 – 18).

³ Олеся Николаева. «Поцелуй Иуды». <http://www.pravoslavie.ru/put/3083.htm>

⁴ Там же.

Упоминание сильного ветра как второй причины отречения ассоциируется со страхом Петра перед ветром, поднявшимся на море в тот момент, когда он пошел по волнам.

«И ученики, увидев Его идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали. Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь. Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде. Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утонать, закричал: Господи! спаси меня. Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился? И, когда вошли они в лодку, ветер утих» (Мф. 14: 26 – 33).

Как видим, и холод Дня, и желание согреться, и уход проигрывают библейскую ситуацию с максимальной эмоциональной включенностью героини, испытывающей все оттенки чувств – от восхищения до страха и раскаяния. Ассоциации с заточением и казнью усиливаются образом решетки. Сквозь нее героине явлена «сияющая весть о чем-то высшем», но видение не вдохновляет ее, а порождает скорбь.

О, как сквозь чернь березовых ветвей
и сквозь решетку... там была решетка —
не для красоты, а для других затей,
в честь нищего какого-то расчета...

сквозь это все сияющая весть
о чем-то высшем — горем мне казалась.

«Кажущееся» горе – свидетельство внутренней неготовности героини узреть благодать вести, которая будет явлена ей позже.

Возвращение героини происходит на закате, встречающем ее прощальным и тихим пенопением.

Проснулась. Вышла. Было семь часов.

В закате что-то слышимое было,
но тихое, как пенье голосов:
«Прощай, прощай, ты мной была любима».

К кому это обращение? В стихотворении чужая речь звучит дважды. В первый раз – в связи с боязнью нареченной матери: «О, нареченный сын, / мне боязно, не восходи, не надо». Выразив боязнь за нареченного сына, теплынь выказала ему свою преданность, но та же боязнь передалась героине, спроецировавшей трагизм ухода на себя и не пожелавшей жертвовать собой. Точно так же и Петр, искренне пытавшийся упasti Учителя от казни, перенес в дальнейшем эту боязнь на страх за себя. Понимая корни страха, идущего от земного сознания, Иисус прощает своего ученика. Следуя этой парадигме, можно предположить, что прощальные слова любви в стихотворении обращены к двум ипостасям Петра – материнской и отступнической.

Покаянными слезами героини («Мороз: слезу содеешь, но не выльешь») завершается созерцание уходящего Дня. «Покаянные слезы становятся неким жертвенным приношением Господу», - пишет Николаева. «Только Бог отрет всякую слезу с очей (Откр. 7, 17). Однако эти очистительные слезы должны пролиться и стать выражением совершенного покаяния»⁵. «Содеянная» слеза, схваченная морозом – ипостасью высот, застыла совершенным покаянием, во «внутренних очах» героини, и только Бог «отрет» эту слезу с ее очей, даруя вдохновение.

Вопрос Воскрешения – ключевой в жизнеописании Спасителя. Ключевой он и в стихотворении о скончавшемся Дне. Провожая День, героиня раздумывает о том, обернется ли его кончина «крахом» или «кануном любви» (иными словами, продлится ли его существование в царстве тетради).

О День, ты — крах или канун любви
к тебе, о День? Уж видно мне и слышно,
как блещет в небе ровно пол-луны:
все — в меру, без изъяна, без излишка.

---

⁵ Там же.

«Канун любви» в Библейских терминах намекает на время до Явления Христа ученикам при море Тивериадском и Его троекратного вопроса о любви, обращенного к Петру.

«После того опять явился Иисус ученикам Своим при море Тивериадском. Явился же так: были вместе Симон Петр, и Фома, называемый Близнец, и Нафанаил из Каны Галилейской, и сыновья Зеведеевы, и двое других из учеников Его. Симон Петр говорит им: иду ловить рыбу. Говорят ему: идем и мы с тобою. Пошли и тотчас вошли в лодку, и не поймали в ту ночь ничего» (Ин. 21:1 – 3).

Словно обыгрывая эту ситуацию «кануна», лирическая героиня ищет приметы воскресшего дня в «кануне луны». Пол-луны, воссиявшей в небе, служит тайным обещанием грядущего полнолуния. Наличие полнолуния – необходимое условие для творчества, объединяющего луну «земную» и духовную («Я <...> округлю твой свет, / чтоб стала ты полней, чем знает полнолуние», написала Ахмадулина в «Луне от ревнивца», 4 – 5 марта 1984 года.) Духовная луна восходит к Пасхе, которая празднуется в первое воскресенье после весеннего полнолуния. Как пространственное отражение Логоса, День под пером Поэта может воскреснуть только в условиях творческого «полнолуния».

Смена восприятия кончины Дня с горестного на радостное (слеза, любующаяся «скончаньем Дня») связано с песнопением, знаменующим прощение героини. День прощается с матерью-тепльницей и с героиней, уверяя их в своей любви. Его «прощание» созвучно «прощению».

Заверение в любви звучит инверсией диалога Христа и Петра, когда Иисус, явившись Петру, трижды вопрошает его:

«Когда же они обедали, Иисус говорит Симону Петру: Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси агнцев Моих. Еще говорит ему в другой раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих. Говорит ему в третий раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Петр опечалился, что в третий раз спросил его: любишь ли Меня? и сказал Ему: Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих» (Ин. 21:15 – 17).

В стихотворении День не вопрошает, но вместо этого дважды повторяет слова прощания, а в третий раз заверяет лирическую героиню в любви. Самое главное заверение Христа в любви к своим ученикам было сделано во время Тайной Вечери: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, *так* и вы да любите друг друга» (Ин. 13:34).

Заверение Христа в любви к Петру было выражено и в той миссии, которой Он наделил Петра, сделав его *пастырем овец* и тем самым, подтвердив власть Петра над земным. Слова о любви, переданные в пенье голосов во время скончанья Дня, также являются залогом возвращения лирической героини роли «пастыря» своих произведений. В результате покаяния ей открывается благодать «сияющей вести»: День-сын принят своим Отцом, назван «Божьим» и наделен свойствами Творца.

Я ничего не знаю и слепа.

А Божий День — всезнающ и всевидящ.

Филадельфия